

Подводя итог, следует заключить, что композит в силу его прототипичности является универсальным, проникающим во все сферы дискурса средством репрезентаций знаний об объекте действительности и его связях с другими объектами. Основным преимуществом композита по отношению к иным средствам хранения информации является компрессия информации в рамках компактной, обозримой структуры. Количество компонентов композита не ограничено узусом и языковой нормой современного немецкого языка, однако лимитировано когнитивной способностью к восприятию.

References

1. Donalies, E. Donaudampfschiffahrtsgesellschaftskapitänskompositabildungsexpertenrunde. Wortbildungspflege. Folge 6 // Sprachreport. Informationen und Meinungen zur deutschen Sprache. – Mannheim, 2001. – 17. Jahrgang, Heft 3. P. 17-18.
2. Elsen H. Manipulation aus sprachlicher Sicht // Wirkendes Wort. Sprache und Literatur in Forschung und Lehre. – Trier: WVT Wissenschaftlicher Verlag, 2008. – 58. Jahrgang, Heft 3. P. 447-466.
3. Elsen H. Neologismen in der Zeitungspressе // Deutsch als Fremdsprache. Zeitschrift zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. – München, Berlin, 2005. – 42. Jahrgang, Heft 2. P. 80-85.
4. Elsen H. Wortbildung im Sprachgebrauch. Desiderate und Perspektiven einer etablierten Forschungsrichtung // Muttersprache. Vierteljahresschrift für deutsche Sprache. – Wiesbaden: GfdS, 2007. – 117. Jahrgang, Heft 1. P. 1-16.
5. Elsen H. Wortbildung im Spannungsfeld zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Zur Einführung in diesen Band // Wortbildung im Deutschen. Zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Perspektiven – Analysen – Anwendungen. – Stuttgart: *ibidem*-Verlag, 2011. P. 1-15.
6. Greule A. Von *Doppel-* und *Normalstuben* und dem *Anti-Enzym BX*. Wortbildung in der Hörfunkwerbung // Wortbildung im Deutschen. Zwischen Sprachsystem und Sprachgebrauch. Perspektiven – Analysen – Anwendungen / Hrsg. von H. Elsen, S. Michel. – Stuttgart: *ibidem*-Verlag, 2011. P. 225-264.
7. Schröder, M. Wortbildung in der Hörfunknachricht // Zwischen Lexikon und Text. Lexikalische, stilistische und textlinguistische Aspekte. – Stuttgart, Leipzig: Hirzel, 2005. P. 247-262.

УДК 811.161.1.37+81.373.421+81.373.422+81.374.73

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ ЗВУЧАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(на материале синонимико-антонимического комплекса
тихий — громкий)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты»), а также при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.A03.21.0006).

Воронина Татьяна Михайловна
кандидат филологических наук, доцент
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
tmv313@vandex.ru

Черкасова Евгения Михайловна
аспирант
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия
yevgenia.cherkasova@vandex.ru

Аннотация

В данной статье на основе данных идеографического словаря (Большой толковый словарь синонимов русской речи — проект под рук. Л.Г. Бабенко) рассмотрены семантические связи в рамках синонимико-антонимического комплекса *тихий — громкий* в современном русском языке. Проанализированы около 200 слов различных частей речи, содержащих семантический компонент 'сила, интенсивность звука', входящих в синонимические ряды и имеющих антонимические соответствия. Рассматриваемые лексемы образуют 6 синонимико-антонимических групп, вершины которых составляют пары *тихий — громкий*, *тишина — шум*, *глухой — звонкий*, *мягкий — пронзительный*, *заглушать — усиливать*, *затихнуть — зазвучать*. По количеству единиц и по разнообразию выражаемых отношений на основе параметра интенсивности звука лидирует контрарная оппозиция *тихий — громкий*, внутри которой более детально представлена очень высокая степень проявления признака. Семантика синонимико-антонимического комплекса может осложняться отоб-

ражением других параметров, например таких, как отчетливость/неотчетливость, высокий/низкий тон звука (*звонкий — глухой*), производимое звуком впечатление (*пронзительный — мягкий*). Оппозиция *тишина — шум* имеет скорее контрадикторный характер. Имеются векторные противопоставления, репрезентирующие ситуации увеличения/уменьшения силы звука, появления/исчезновения звука: *усиливать — заглушать, зазвучать — затихнуть*, с более высокой степенью разработанности обозначений прекращения, ослабления звучания.

Ключевые слова: лексика звучания, синонимы, антонимы, концептуализация, идеографический словарь

CONCEPTUALIZATION OF SOUND INTENSITY IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE (based on synonymic-antonymic block *quiet — loud*)

Voronina Tatiana

Associate Professor, Senior Lecturer
Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
tmv313@yandex.ru

Cherkasova Yevgenia

Postgraduate student
Ural Federal University
named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg, Russia
evgenia.cherkasova@yandex.ru

Abstract

In the present article semantic connections of the modern Russian language have been studied within the framework of synonymic-antonymic block *quiet — loud*, based on ideographic dictionary data (Large explanatory dictionary of the Russian speech synonyms under the supervision by L.G. Babenko). About 200 words of different parts of speech that have a component “intensity of sound” in their semantics and form synonymic sequences having antonymic accordance have been analyzed. Lexemes in question form 6 synonymic-antonymic groups, with the following oppositions on the top: *quiet — loud, silence — noise, dull — voiced, smooth — strident, muffle — amplify, fade/ become silent — begin to sound/resound*. The contrary opposition *quiet — loud* holds the lead in terms of number of units and expressed relation diversity. A very high level of characteristic manifestation is presented in more detail. Semantics of synonymic-antonymic block can be complicated by other parameters, such as distinctness/indistinctness, high tone/low tone of the sound (*voiced — dull*), the impression of the sound (*strident — smooth*). Opposition *silence — noise* has rather contradictory nature. There are also vector oppositions that represent situations of increasing/decreasing sound intensity: sound appearing/disappearing: *amplify — muffle, begin to sound — fade* that have higher degree of demonstration of sound discontinuation/attenuation.

Keywords: vocabulary of sound, synonyms, antonyms, conceptualization, ideographic dictionary.

Синонимы и антонимы — наиболее хорошо изученные явления лексической парадигматики. На современном этапе наблюдается расширение поля их исследований: они рассматриваются, в частности, на фоне словообразования и многозначности, а также в связи и взаимодействии друг с другом. В когнитивном аспекте акцентируется их роль в репрезентации знаний о тех или иных фрагментах мира. Так, Л.Г. Бабенко отмечает, что «для семантического пространства языка одинаково важными являются как отношения противопоставления, тесно связанные с категоризацией мира, с горизонтальной ипостасью пространства, так и отношения дифференциации и тождества, связанные с глубиной семантического пространства, его вертикальной ипостасью. Поиск тождественных и противоположных сущностей — один из важнейших процессов познания, отраженно присутствующий на разных уровнях языковой системы» [1, с. 15]. Все более полными и подробными становятся словари синонимов и антонимов, осознана необходимость лексикографического представления более крупных семантических объединений, чем синонимический ряд или антонимическая пара. Например, Ю.В. Федосов выделяет такую структурную единицу идеографического словаря, как антонимо-синонимический блок: «В качестве “ядра” в антонимо-синонимическом блоке выступает антонимическая пара слов, а в качестве “периферии” — два синонимических ряда» [10, с. 145]. Осознается специфика антонимо-синонимических отношений и в структуре электронных тезаурусов: «Особый тип отношения — антонимия: отношение между словами в контексте конкретных синсетов» [4]. Л.Г. Бабенко, рассматривая возможности репрезентации отношений противоположности в русском языке в аспекте категоризации и лексикографической интерпретации, указывает, что «репрезентантами отношений противоположности могут быть различные лек-

сические единицы и их совокупности» [2, с. 38], к последним относятся, в частности, «семантически соотносительные парадигматические ряды, например, синонимико-антонимические комплексы в составе различных идеографических классов слов» [там же].

Цель данной работы — на основе данных идеографического словаря рассмотреть семантические связи в рамках синонимико-антонимического комплекса *тихий* — *громкий* в современном русском языке, показать симметричность/асимметричность этих связей и выявить специфику концептуализации интенсивности звучания в аспекте отношений тождества и противоположности.

Материал исследования — около 200 слов различных частей речи, содержащих семантический компонент ‘сила, интенсивность звука’, входящих в синонимические ряды и имеющих антонимические соответствия.

Значимость данного противопоставления обусловлена самой обозначаемой характеристикой звука. Во-первых, акустическое восприятие — один из важнейших способов познания действительности человеком, и уже поэтому сфера звучания характеризуется значительной лексической наполненностью. Во-вторых, интенсивность — один из наиболее важных параметров звучания: «Идентичность звуку придают его основные физические характеристики: частота, амплитуда (интенсивность) и сложность, которые человек воспринимает как высоту, громкость и тембр звука соответственно, что позволяет нам говорить о таких характеристиках ситуации звучания, как интенсивность (громкость) и специфичность (особенности звука с точки зрения его высоты и тембра)» [6, с. 62]. Кроме того, лексемы *тихий* и *громкий* являются высокочастотными, и они безусловно противопоставлены по значению. Так, М.Ю. Мухин в результате сравнительного статистического анализа словарей антонимов русского языка выявил, в частности, «антонимические пары (всего 57), которые отражают все лексикографические источники» [7, с. 165-166], и среди них пары *громкий* — *тихий*, *тишина* — *шум*.

Лексические единицы, образующие исследуемый синонимико-антонимический комплекс, были выбраны из Большого толкового словаря синонимов под ред. Л.Г. Бабенко [3]. В нем «в микроструктуре каждой словарной статьи есть самостоятельная словарная зона, в которой указываются антонимы, соотносительные как с основным заглавным синонимическим рядом слов или с некоторыми его членами, так и с включенными в словарную статью близкородственными синонимическими рядами слов» [2, с. 39]. Источник иллюстративного материала — Национальный корпус русского языка [8]. Парадигматический анализ синонимических и антонимических отношений осуществлялся на основе компонентного и контекстологического анализа.

Рассматриваемые лексемы входят в Большом толковом словаре синонимов русской речи в класс «Характеристика звука» и образуют 6 синонимико-антонимических групп, вершины которых составляют пары *тихий* — *громкий*, *тишина* — *шум*, *глухой* — *звонкий*, *мягкий* — *пронзительный*, *заглушать* — *усиливать*, *затихнуть* — *зазвучать*.

Комплексы организуются преимущественно прилагательными, вокруг которых группируются близкородственные синонимы. Основное противопоставление выражено адъективными синонимическими рядами *Громкий*, *громовой* и *устар. громовый*, *громогласный*, *гулкий*, *звучный*, *зычный*, *оглушительный*, *трубный*, *книжн. громopodobный*, *книжн. полнозвучный*, *книжн., устар. велегласный*, *книжн., устар. громозвучный* ‘значительный по силе звучания, хорошо слышный (о звуке)’ — *Тихий*, *глухой*, *заглушенный*, *негромкий*, *приглушенный*, *слабый* ‘незначительный по силе звучания, плохо слышный (о звуке)’; к нему примыкают субстантивные и наречные ряды: *Громкость*, *громогласность*, ... ‘качество сильно звучащего, хорошо и далеко слышного звука, голоса’ — *Тихость*, *приглушенность*, *слабость* ‘качество звука, проявляющееся в незначительной силе звучания’; *Громко*, *громогласно*, ... ‘сильно звуча и потому будучи хорошо слышным’ — *Тихо*, *вполголоса*, *глухо*, ... ‘обладая небольшой силой звучности, не сильно действуя на слух’. При этом четкой противопоставленностью характеризуются только доминанты рядов, а чем больше слово демонстрирует семантических и стилистических отличий от до-

минанты, тем слабее становится противопоставление, хотя потенциально оно возможно. Ср., например, совместное употребление слов из антонимичных рядов на расстоянии не более 20 слов друг от друга, по данным Национального корпуса: *громкий* и *тихий* — 546 вхождений, *громкий* и *слабый* — 54, *оглушительный* и *тихий* — 24, *громopodobный* и *тихий* — 1.

Антонимическая пара *тихий* — *громкий* имеет в семантике градуируемый параметр 'сила звучания', по которому и происходит противопоставление; таким образом, эта пара потенциально представляет собой явление контрарной антонимии, которая обычно «реализуется в противопоставлении синонимических рядов, построенных по градационному принципу» [9, с. 101]. Действительно, характер антонимических отношений, в которые входят слова *тихий* и *громкий*, казалось бы, схож с тем, который можно наблюдать, например, у пары *холодный* и *горячий*. *Холодный* — *горячий* — это пример классической контрарной антонимии; подразумевается наличие еще одного члена парадигмы, более нейтрального по степени проявления признака по сравнению с крайними ее членами. В данном случае это слово *теплый*, хотя в языке можно найти, кроме того, такие языковые единицы, как *прохладный* и даже *горячеватый*, которые делают шкалу лексических единиц с семантикой температуры еще более сложной. Однако совсем иначе дело обстоит с антонимической парой *тихий* — *громкий*, потому что в языке нет такой единицы, которая могла бы стать средним членом данной парадигмы. Если звук *не тихий*, то это не значит, что он автоматически может характеризоваться как *громкий*. Тем не менее язык не представляет явного промежуточного варианта. Конечно, можно было бы рассмотреть слово *громковатый* (по аналогии с *горячеватый*) в качестве элемента шкалы громкости. Однако, во-первых, оно все равно не являлось бы «средним членом» парадигмы, а во-вторых, нужно не забывать о том, что одним из условий отбора лексических единиц для анализа была возможность этих слов вступать в синонимические/антонимические отношения, которая отсутствует у слова *громковатый*. Возможно, это связано и с тем, что словообразовательная семантика здесь работает весьма своеобразно. Языковое значение суффикса *-оват-* 'неполнота качества, смягчение и уменьшение его по отношению к тому, что называется мотивирующим словом', однако *громковатый* — это более громкий, чем нужно, ср.: *Еще в институте мое пылкое старание, мои незабываемые до сих пор успехи по ма-стерству были чуть-чуть крупнее, чем надо. Многовато, громковато, слишком сильно!* [8]. Если же счесть, что существует прилагательное *тиховатый*, то обнаруживаем, что его значение — недостаточно громкий. Национальный корпус не дает по запросу *тиховатый* ни одного вхождения, однако Яндекс поиск выдает контексты типа: *Звук слегка тиховатый, если телефон лежит в кармане, то можно и не услышать...*; т.е. *громковатый* и *тиховатый* не только не являются средними элементами шкалы громкости, но и не являются антонимами по отношению друг к другу.

Еще одна особенность устройства данных рядов в области градуирования признака состоит в том, что очень высокая степень интенсивности звучания маркируется особыми лексемами (*громовой*, *оглушительный* и т.д.), тогда как очень низкая не маркируется совсем (за исключением музыкальных терминов *тиано*, *тианиссимо*). Это компенсируется на морфемно-словообразовательном уровне, ср.: *тихонько*, *потихоньку*, *потихонечку*, *тишайший* — *громчайший* (результат поиска такой словоформы в Национальном корпусе — 10 вхождений, все в текстах XIX в.).

Интересно также отметить взаимодействие научного и обыденного отображения высокой интенсивности звучания. Н.Н. Евтугова пишет: «В научной картине мира зафиксировано, что интенсивность звучания является количественным признаком, так как ее можно измерить. Измерительной единицей считаются децибелы. В обыденном знании единицы отсутствуют» [5, с. 347]. Действительно, *децибел* в обыденном сознании не служит единицей измерения громкости, но это слово используется для обозначения чрезмерно громких звуков: *Раздразжала кричащая, непомерно громкая музыка. Что за пристрастие к децибелам?* [8]; <...> — *ухмыльнулся Корнеев, и не подумав уменьшить децибелы*

богатырского голоса [8] и под. примеры. В этом смысле наименование единицы измерения «встраивается» в систему параметрических слов, называющих величину и одновременно высокую степень проявления чего-л. (напр., *температура* — то же, что *высокая температура*).

Оппозиция *тишина* — *шум* представляет собой шкалу с двумя взаимоисключающими отметками, которые условно можно обозначить как отсутствие/наличие звука. Можно предположить, что это контрадикторная антонимия. Однако анализ словарных данных и контекстов употребления лексики шума и тишины показывает, что мы имеем дело с более сложным семантическим комплексом. *Шум* — это более конкретное понятие, чем *звук*, и на первый план в семантике *шума* выходит характеристика звучания, а не абстрактное наличие какого-либо звука. Эта характеристика складывается из признаков ‘нестройные’, ‘разнообразные’ звуки, ‘слияние звуков’. Но, с другой стороны, находим большое количество контекстов, где шум и тишина противопоставляются: *Это продолжалось несколько секунд, после чего внезапно шум отрезало тишиной* [8]; *Загремели стулья, прокатился шум и тут же вступила тишина* [8]. Следовательно, можно утверждать, что оппозиция *тишина* — *шум* в языке действительно существует, несмотря на то, что слово *шум* не обозначает просто наличие любого звука. Это подтверждается также, например, близкородственными рядами и их антонимией. В словарях к прилагательному *шумный* ‘происходящий с шумом, производящий шум’ дается в качестве синонима только *шумливый*, а антонимическое противопоставление выражается синонимами ряда *Тихий, беззвучный, безмолвный, бесшумный, неслышимый, книжн. неслышимый* ‘не производящий или почти не производящий звуков; протекающий без шума’. При этом обнаруживается довольно значительное количество контекстов, где прилагательное *громкий* реализует значение ‘производящий шум’, т.е. вступает в синонимические отношения с *шумный, шумливый* и в антонимические — с *тихий, беззвучный, безмолвный* и под.: *Вскрики Максима нарушили гармонию элитарного ресторана. — Что?! — Извините! — Бармен успокаивающе поднял ладони — глаза громкого посетителя горели отчаянностью* [8]; *Самая громкая птица — трехусый кузнец — живет в горных лесах Центральной Америки* [8]. Тем не менее, рассмотрев синонимические ряды в целом, мы видим, что приравнять по семантике *звук* и, например, *гудение* невозможно, потому что семантика *гудения* и остальных слов ряда достаточно далека даже от слова-доминанты *шум*. Шум — разновидность звука, а гудение — разновидность шума, и гудение никак не может означать просто наличие звука. Другими словами, в языке возможна только оппозиция *тишина* — *шум*, эта оппозиция асимметрична.

Как видим, и по количеству единиц, и по разнообразию выражаемых отношений на основе параметра интенсивности звука лидируют оппозиции *тихий* — *громкий* и *тишина* — *шум*.

В других случаях семантика синонимико-антонимического комплекса осложняется отображением других параметров, например таких, как отчетливость/неотчетливость + высокий/низкий тон звука: *Звонкий, залиvistый, серебристый, книжн. серебряный, трад.-поэт. звончатый, разг. зазвонистый, разг. залиvчатый, разг. звонистый* и *Глухой*. Данная оппозиция является асимметричной по количеству репрезентантов, так же как и оппозиция, где основанием противопоставления, кроме интенсивности звука, становится еще и оценочный параметр: *Пронзительный, визгливый, крикливый, петушинный, разг. истошный* ‘громкий, резкий, высокий, сильно и неприятно воздействующий на слух (о звуке)’ — *Мягкий*.

Оппозиция *заглушать/заглушить* — *усиливать/усилить* представляет собой векторный тип антонимии, причем и сами глагольные ряды, и близкородственные им организованы несимметрично: например, целому ряду *Заглушать/заглушить, глушить/заглушить, покрывать/покрыть, приглушать/приглушить, смягчать/смягчить* ‘делать/сделать звук неслышимым или менее слышимым или превосходить/превзойти по силе какой-либо звук’ имеется только одно противопоставление — *Усиливать/усилить*. Ана-

логичным образом устроено противопоставление – *Затихать/затихнуть, гаснуть/погаснуть* и *угаснуть, глхнуть/заглхнуть, замирать/замереть, замолкать/замолкнуть, молкнуть/замолкнуть, смолкнуть* и *умолкнуть, отзвучать, погасать/погаснуть, смолкать/смолкнуть, стихать/стихнуть, умолкать/умолкнуть, утихать/утихнуть, книжн. угасать/угаснуть, устар. тихнуть/затихнуть* и *утихнуть* ‘переставать/перестать слышаться, раздаваться (о звуках)’ — *Зазвучать* ‘начать звучать, слышаться, раздаваться’. Это говорит о том, что прекращение звука, ослабление его интенсивности концептуализируется как процесс более длительный и постепенный, тогда как начало звучания воспринимается скорее одномоментно.

Таким образом, при концептуализации звучания по параметру интенсивности практически не выявляется абсолютной симметрии синонимико-антонимических связей. Очень высокая степень интенсивности звучания маркируется особыми лексемами (*громовой, оглушительный* и т.д.), тогда как очень низкая практически не маркируется. Интенсивность звучания — параметр градуируемый, но в языке нет такой единицы, которая могла бы стать средним членом парадигмы *тихий — громкий*. Семантика синонимико-антонимического комплекса может осложняться отображением других параметров, например таких, как отчетливость/неотчетливость, высокий/низкий тон звука (*звонкий — глухой*), производимое звуком впечатление (*пронзительный — мягкий*). Оппозиция *тишина — шум* имеет контрадикторный характер. Имеются векторные противопоставления, репрезентирующие ситуации увеличения/уменьшения силы звука, появления/исчезновения звука: *усиливать — заглушать, зазвучать — затихнуть*, с более высокой степенью разработанности обозначений прекращения звука, ослабления его интенсивности.

Литература

1. Бабенко Л.Г. Картина мира в зеркале словаря (на материале идеографического словаря синонимов русской речи) // Мир русского слова и русское слово в мире. Том 4. Язык, сознание, личность. Мат. XI Конгресса МАПРЯЛ. HERON PRESS. Sofia, 2007. — С. 15-22.
2. Бабенко Л.Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографические параметры // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. — С. 37-41.
3. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. — в печати.
4. Браславский П.И., Мухин М.Ю. и др. YARN: начало // Труды конференции «Диалог-2013». URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/BraslavskiyP_YARN.pdf (дата обращения: 15.03.2017).
5. Евтугова Н.Н. Соотношение философских категорий с лингвистическими объектами на примере номинативного поля концепта «Звук» // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 2 (41). — С. 343-349.
6. Кургалина М.В. Вариативность способов и путей концептуализации ситуации звучания в языке (на материале английских атрибутивных единиц) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. — С. 61-64.
7. Мухин М.Ю. Русская антонимия в отечественной лексикографии: статистический обзор // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко, 28-30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. — Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. — С. 158-167.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.03.2017).
9. Слаутина М.В. Отображение антонимических отношений в словаре синонимов // Вопросы лексикографии. № 2. 2012. — С. 97-103.
10. Федосов Ю.В. Принципы построения идеографического антонимо-синонимического словаря русского языка. — Волгоград: Перемена, 2001. — 190 с.

References

1. Babenko L. (ed.) Large explanatory dictionary of the Russian speech synonyms: ideographic description, antonyms, phraseological units. Moscow: Ast-Press kniga. 2008.
2. Babenko L. Picture of the world reflected in a dictionary (based on the ideographic dictionary of the Russian speech synonyms). The world of the Russian word and the Russian word in the world. Language, consciousness, personality. Materials of XI Congress MAPRYAL. Vol 4.: HERON PRESS. Sofia, (2007): P. 15-22.

3. Babenko L. Representing relationships of opposition in the Russian language: problems of categorization and lexicographical parameters. *Cognitive studies of the language*. Vol. 26 (2016): P. 37-41.
4. Braslavsky P., Mukhin M. et al. YARN: the beginning. Works of a conference «Dialog-2013». URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2013/materials/pdf/BraslavskiyP_YARN.pdf (usage date: 15.03.2017).
5. Evtugova N. The correlation between philosophical categories and linguistic objects exemplified by nominative field for the concept of «Sound». *Personality. Culture. Society*. Vol. 2, Iss. 41, (2008): P. 343-349
6. Fedosov Y. Construction principles for an ideographical antonymic-synonymic dictionary of the Russian language. Volgograd: Peremena, 2001. 190p.
7. Kurgalina M. The variability of means and ways of conceptualizing a situation of sounding in the language (based on English attributive units). *VGU Bulletin. Series: Linguistics and intercultural communication*. Vol. 3 (2014): P. 61-64.
8. Mukhin M. Russian antonymy in Russian lexicography: statistical review. *New Russia: traditions and innovations in language and science of language. Proceedings of the international conference*. Moscow, Yekaterinburg: Kabinetny ucheny, 2016. P. 158-167.
9. Russian National Corpus. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (usage date: 15.03.2017).
10. Slautina M. Representation of antonymic relations in the dictionary of synonyms. *Lexicographical issues*. Vol. 2. (2012). — P. 97-103.

УДК 81'373.47

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «STRESS» (на примере глянцевого журнала для женщин)

Дробот Дарья Сергеевна

Аспирант

Белгородский государственный

национальный исследовательский университет

г. Белгород, Россия

chuzhikovadarya@gmail.com

Аннотация

Данная статья рассматривает тексты англоязычных глянцевого журнала для женщин, а также особенности языка журнальной лексики. Проводится когнитивно-коммуникативный и лексикографический анализ словарного материала с целью выявления функционирования концепта “stress” в языке и его влияния на читателя. На основе общих когнитивных признаков выделяются группы смысловых значений, отражающие причины, приводящие к состоянию стресса, и в тоже время результат его воздействия. Анализ концепта подтверждает ключевую роль языка в когнитивных процессах человеческого мышления.

Ключевые слова: масс медиа, лексика, лексикографический анализ, когнитивно-коммуникативный анализ, концепт.

COGNITIVE-COMMUNICATIVE ANALYSIS OF THE «STRESS» CONCEPT (IN GLOSSY MAGAZINES FOR WOMEN)

Drobot Darya

Postgraduate Student

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia

chuzhikovadarya@gmail.com

Abstract

The paper studies the texts of English-language magazines for women and language features of the vocabulary. Cognitive-communicative and lexicographic analyses of the vocabulary are provided to identify the “stress” concept in language and its impact on the reader. The article describes groups of semantic meanings, based on common cognitive features, which reflect the causes that lead to stress, and at the same time the result of its influence. The research confirms the key role of language in the cognitive processes of the human mind.

Keywords: mass media, media text, lexicographic analysis, cognitive-communicative analysis, concept.

Жизнь человека в современном обществе предполагает ежедневное восприятие, обработку и передачу больших объемов информации. Постоянное пребывание под напо-